

Игра ангела и беса

Артем Рыженков

18+

Артем Рыженков
Игра ангела и беса

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Рыженков А. А.

Игра ангела и беса / А. А. Рыженков — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

ISBN 978-5-5320-9562-5

Твой мир может рухнуть в одно мгновение. Однажды ты проснешься и поймешь, что все библейские сказки являются былью. Смерть — это только начало пути, в который ты отправишься с теми, кого для остального мира не существует. Бог и дьявол ведут свою игру, конец которой уже близок...

ISBN 978-5-5320-9562-5

© Рыженков А. А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Игра ангела и беса

От Автора

Приветствую тебя, Дорогой Читатель.

Вынужден тебя предостеречь: то, что хранится на страницах этой книги, полностью изменит тебя и откроет глаза на многие тайны бытия. Если ты не готов к этому и тебе уютно жить, не зная правды о происходящем вокруг тебя, тогда тебе лучше отложить в сторону эту книгу, дабы не вставать на путь прозрения. Ведь если ты решишь заглянуть за грань привычного, обратной дороги уже не будет.

Я начинал писать эту книгу, чтобы увековечить на ее страницах близких мне людей и поведать их судьбы. Но соединив их воедино, я осознал, что все это приоткрывает завесу, скрывающую истинный смысл нашего существования.

Это правда, разбавленная толикой вымысла. А что именно правда, решать тебе, Дорогой Читатель.

С уважением и любовью, Артем Рыженков.

Как я оказался здесь? вопрос из разряда особой важности. Мне казалось, еще совсем чуть-чуть – и я найду ответ, но он ускользал каждый раз, когда я подбирался слишком близко. Как я оказался здесь? ... Нет, я имею в виду не конкретное место, а точку жизни, как если бы в божественной канцелярии при просмотре фильма под названием «Жизнь очередного неудачника» нажали СТОП. Что привело меня сюда, в этот момент? Какая лихая цепочка событий? И мог ли я что-то изменить, повлиять? Бред. Мои мысли – находка для психиатра. Как бы это ни выглядело, нужно разобраться во всем, пока еще есть время. Или уже поздно?

Сейчас, сидя в чугунной ржавой ванне полностью голый, под струей еле теплой воды, которая была единственным источником тепла в этом забытом Богом месте, я дорожил каждой секундой, что мне отмерена. Редкие куски кафеля на очень старой серой стене и царивший здесь полумрак добавляли мрачности в мои мысли. Батарейки фонарика скоро сядут и наступит полная темнота, об этом напомнило мигание лампочки. Во всем должен быть смысл, даже в моем положении. Я должен найти его... Во что бы то ни стало должен найти смысл. Это мой последний шанс, и права на ошибку нет. Все имеет начало и имеет конец... Если конец моего фильма обязательно должен быть таким мрачным, милости прошу на шоу. Но я должен знать, почему все так. Размотать клубок моей жизни и понять, где произошел разрыв, есть лишь начало и конец, нужно вернуться в начало.

И было начало...

– Дядь Гриш, быть этого не может. Ты, наверное, перепутал ее с кем-то, – я все еще не мог поверить в слова моего знакомого, доброго друга отца.

– Антон, ну что ж я, твою жену не узнаю? Чем, чем, а зрением я никогда не страдал. Она это была. Она! – проскрипел старый онколог.

Я не верил. Может, просто не хотел верить.

Катя – любимая жена, нашла другого?! Бред. В такое нельзя, нет, просто невозможно поверить.

С другой стороны, зачем Григорий Алексеевич станет мне врать, с чего вдруг? Похоже, что он всего лишь хочет рассказать мне увиденное, чтобы меня не водили за нос.

Я не первый, кому говорят дурные новости в стенах его кабинета, хотя в отличие от других диагноз у меня необычный – измена жены.

– Ты не первый, кому супруга рога наставляет, – продолжил врач. – Хорошо, сейчас известно все стало. Спокойненько разведетесь, детей-то не успели нарожать. Пойми, я не мог

скрывать такое от тебя, это было бы нечестно, хотя бы в память о твоём погибшем отце, я должен был сказать.

– Все правильно, дядь Гриш, – пробормотал я, пытаюсь прийти в себя, – все правильно.

– Ты, главное, не расстраивайся. Найдешь себе другую, такую, чтоб налево не бегала. Их вон, сколько ходит, – развел руками Григорий. – Ты парень видный, долго один горевать не будешь, нос не вешай.

«Хорошо ему говорить, ... – подумал я. – Он-то понятия не имеет, как сильно я люблю Катю».

Как же так? Все же было хорошо... или, по крайней мере, нормально. Как у всех. Что случилось?

Я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег под палящее солнце, рыбой, которая тщетно пытается сделать вдох... И с каждой секундой осознает, что задыхается и вот-вот умрет.

Мне нужно на воздух.

– Я, пожалуй, пойду – вставая со стула, сказал я.

– Давай, только сильно не раскисай! – подбодрил добрый доктор. – У тебя вся жизнь впереди, столько еще женщин будет.

Мне не нужны другие, мне нужна была одна она – признался я самому себе, но вслух ничего не сказал.

Я вышел из кабинета онколога. В коридоре уже ждал другой пациент, и я надеялся, что ему повезло больше, чем мне.

Как же так?

Я был счастлив, строил планы, был уверен, что нашел в жизни свою настоящую искреннюю любовь. А она оказалась фальшивкой. Ведь не бывает в настоящей любви измен. Я любил ее по-настоящему, с самой первой минуты, а она, оказывается, и не любила вовсе. Или разлюбила за три года совместной жизни?

Я вышел на улицу из поликлиники и закрыв глаза, полной грудью вдохнул свежий осенний воздух. Легче не стало. Я постоял так ещё пару секунд пытаюсь унять бурю эмоций внутри себя. Увы. Веки поднялись, открывая картину нависшего серого неба над моей головой, золотая пора этого времени года уже завершила свой вальс на улицах этого города, теперь нас ждут унылые бесцветные дни и ночи, в ожидании первого снега. Погода не лишена иронии.

Я втянул голову, дёрнув воротник куртки как можно выше. Ненавижу холод, и терпеть не могу дурных новостей. Все напрасно, все зря!

– Извините, Степанов тут принимает?

Голос выдернул меня из ступора. Секунду я просто ошарашенно пялился на него, будто в его вопросе был какой-то тайный смысл. Мой брак рушится, я переживаю предательство любимой женщины, а ему приспичило лезть ко мне с этой ерундой! Подошёл бы он ко мне, знай он что у меня на душе?

Я ничего не ответил, просто развернулся, и пошёл прочь, сам не зная куда. Ноги плелись по промерзшей земле тротуара, слова Григория снова и снова крутились в голове: –«Ты не первый, кому супруга рога наставляет»....

Почему? Хотя какая к черту теперь разница?

Я добрел до остановки и плюхнулся на лавку, не понимая, куда идти дальше. Отравленные разочарованием мысли не покидали голову.

В один миг, когда я узнал об измене Кати, мой мир рухнул – потому что был целиком и полностью завязан на ней. Она была моим воздухом, а теперь я задыхался от обиды...

Мне казалось я дал ей все!

Я поступал в тот же институт, что и она, чтобы быть рядом с ней. Я нашел работу рядом с домом, отказался от стажировки в Москве. Все, что угодно, лишь бы быть с ней. Даже в этот город я переехал, чтобы она была ближе к родителям.

Весь мир, все мысли и планы, завязаны на одном человеке. И теперь, этот человек меня предал. Как она могла так поступить со мной?

К остановке подъехал старенький автобус. Прочитав табличку с маршрутом, я сначала не поверил своим глазам. Конечная остановка «Слободкино» – село, откуда я родом. Мы переехали оттуда в город пятнадцать лет назад, почти сразу после смерти отца. Квартиру так мать и не продала, там какие-то родственники дальние поселились. Хотя мать говорила, они вроде как съехали пару месяцев назад.

Катя наверно уже вернулась домой, меньше всего мне хотелось сейчас видеть ее.

Единственным желанием которое пульсировало в висках было сбежать, уехать куда подальше. Чем же Богом забытое село не вариант?

Я вошел в автобус и, передав водителю за проезд, уселся на пассажирское сиденье. Мои пустые глаза уставились в пейзажи за окном, вновь возвращая меня к недобрым мыслям.

Что делать дальше, я не знал. Нужно время прийти в себя. Денек-другой. А потом?

Возвращаться домой к Кате и притворяться, что ничего не знаю? Или, наоборот, закатить скандал? После скандала она точно соберет вещи и уйдет к тому, другому. Но если буду молчать, сам себя изведу. Куда ни кинь, всюду клин.

Теперь становилось ясно, почему она часто задерживалась допоздна на работе. Корпоративы с коллегами... Как я мог закрывать глаза на все это? Доверять безгранично? Может, в этом и состоит главная слабость и бремя влюбленных – они не замечают того, что под самым носом. Сейчас бы выпить и забыться – вечное лекарство брошенных и отвергнутых. Я пока относился скорее ко вторым, но не исключено, что вскоре окажусь и брошенным.

А если она не захочет уходить к другому, не захочет бросить меня? Смогу ли я простить ее? И сколько должно пройти времени, что бы я хоть немного поверил ей.

Как бы помог совет мамы, он так нужен именно сейчас, она всегда ведь знает, как быть. А я вот запутался.

Нет, ее нельзя беспокоить, не хватало им с Вероникой весь отдых испортить. Пусть собираются и едут спокойно в Крым, а я тут сам как-нибудь...

Погруженный в эти мысли я сам не заметил, как пронеслось время.

В окошке застыла старая железная остановка, такая же, какой я ее помнил.

Я вышел из автобуса. Перед моим взором открылся вид российской глубинки. Черт, тут так ничего и не изменилось. Даже запахи были теми же, из детства.

Хотя кое-что, присмотревшись лучше, я всё-таки заметил. Деревья парка, начинавшегося сразу за остановкой, изрядно поредели. То ли школьниками позабылась традиция каждую весну сажать здесь новые деревья, толи была другая причина. Но увидеть когда-то цветущий и переполненный растительностью ландшафт в упадке было неприятно.

Я зашагал по дороге, что вела прямо через парк, к моему родному селу.

Понемногу воспоминания детства вытесняли дурные мысли.

Вот дуб, на ветвях которого мы с друзьями, будучи мальчишками, мастерили скворечники. А где-то неподалеку место, где мы постоянно играли в прятки. Родители никого не отпускали далеко от дома, но разве удержишь сорванцов. Юные искатели приключений до ночи могли мотаться по округе, после чего с честными лицами утверждать, что не отходили со двора ни на шаг.

Оглядываясь по сторонам, я будто возвращался в детство. Не думал я, что вновь окажусь здесь, тем более гонимый своими проблемами.

Уже вечерело, когда я вышел к первым многоэтажкам на окраине села.

Дома были такими же, как прежде, будто жизнь здесь остановилась на все пятнадцать лет для того, чтобы я, вернувшись через долгое время, узнал поселок.

Я миновал двухэтажную школу, в которой учился когда-то. У парадного входа заботливый сторож старательно мел крыльцо, на утро, конечно, ботинки школьников, рвущихся к знаниям, вновь разнесут грязь, не оставив от трудов этого человека ни следа, но сейчас он уйдёт отдыхать с чувством исполненного долга.

Ему было на вид сорок пять, выглядел он достаточно опрятно и ухоженно. В городе его сочли бы в лучшем случае неудачником или и того хуже каким-нибудь блаженным. Кто по своей воле в здравом уме, будет трудиться дворником, сторожем или скажем сантехником. На эти места чаще всего попадают люди от безысходности, уже отчаявшись найти вариант получше. И по итогу помимо копеечной зарплаты, все смотрят на тебя надменно, будто ты придорожная пыль, и за твой счёт тешат своё скотское самолюбие. Ведь не пристало здоровому мужчине, в сорок пять зарабатывать гроши. Исключение по мнению городских жителей могут составить лишь гости из ближнего зарубежья. Если молодой таджик метёт улицу – это норма, если русский – нет. Иди на завод работай лентяй, обеспечивай семью! И ведь не объяснишь им, что у того же русского дворника жизнь могла сложиться совсем иначе. Если бы в девяностые не грянул дефолт, унеся с собой все накопленное за долгое время, если бы пьяный сосед не устроил пожар в результате которого сгорел не только его дом, заставив семьи кочевать по родственникам. Если бы старенькой матери не требовался постоянный уход, он бы тоже мог найти себе место получше. Но сейчас он метёт школьный двор, и я не стану его осуждать. Так или иначе, кто-то ведь должен выполнять эту работу.

За забором школы, на трубах берущей своё начало здесь теплотрассе, будто стая воробьев, восседала компания молодых парней. Один за одним мелькали сигаретные огоньки. Лица были надменно важными, здесь они чувствовали себя хозяевами. Наверное, так всегда и у всех: мой район, наш двор, класс. Почему-то молодым важно быть собственниками, очерчивать границы своей территории и устанавливать на ней свои правила. «Слышь, это моя девчонка, ещё раз на неё посмотришь в глаз дам!»

Я слегка улыбнулся. Так ведь было и в наше время. Ну вот – «Наше время».

Правда вся эта напыщенность и чувство важности исчезало в ту же секунду, когда кто-то из друзей перепуганным голосом кричал, «Витёк твоя мамка идёт». Чаще всего едва прикуренные сигареты летели в разные стороны, а воробьи бросались врассыпную.

Вспомнилось, как мечтал в то время стать поскорее взрослым. Ведь у взрослых так много интересного в жизни, они делают что захотят, не спрашивая разрешения у кого-то. Но теперь я понимал, что детские мечты были слишком уж наивны. Проблем у взрослых несоизмеримо больше, чем возможности делать что захочется. Как же просто быть детьми. Ребята из одного дома, с одного двора по определению становятся друзьями. Врагами становятся те, кто пытается тебя обидеть. Дни проходят беззаботно, в мальчишеских шалостях. И что самое главное – детям легче прощать, они быстро забывают обиды. А взрослые, причиненные им обиды, помнят очень долго, оставляя их тяжелым грузом где-то в дальних уголках своей души.

Я подошел к дому своей матери – в окнах света не было. Значит, жильцы и вправду съехали. А вот в окнах соседа Николая Степановича, наоборот, ярко горел свет. Говорили, что он прошел всю войну и с тех пор страдал бессонницей, во всяком случае, свет у него в квартире не гас никогда, даже глубокой ночью. Мне это только на руку. Ключи от квартиры, скорее всего, у него.

Я поднялся на второй этаж и позвонил в соседскую дверь. Оттуда послышались шаркающие шаги старого ветерана.

Без всяких вопросов, о том, кто же это его беспокоит, Николай Степанович распахнул дверь и пристально уставился на меня.

– Здравствуйте, дядь Коль! – вежливо сказал я.

– Антош, никак ты, что ли? – спросил ветеран. Я был несказанно удивлен, что сосед узнал меня спустя столько времени. Вот это феноменальная память, хотя при чем тут память. Не может же быть, что бы лицо мое совсем не изменилось.

– Да это я, дядь Коль. Мне бы ключи от квартиры нашей. А то у себя в городе ремонт делаю, краской ужасно воняет. Вот хочу тут переждать, пока выветрится, – соврал я. Ну не рассказывать же соседу истинную причину моего возвращения.

– Да конечно. Заходи, давай, – ветеран распахнул дверь шире, впуская меня. – Ну, ты, конечно, вымахал. Смотри-ка, какой красавец стал. Мать твоя говорила, женился ты?

– Уже три года как, – непринужденно ответил я. – В городе живем.

– Ну да, ну да. Молодым нынче в глубинке делать нечего. Все разъехались, одни мы, старики, и остались.

Ветеран снял связку ключей с гвоздика на стене прихожей и протянул мне.

– Ты сюда с супругой или как?

– Один. Она у своей матери переночует, – вновь соврал я.

– Ну раз один, то заходи ко мне, если скучно станет. Посидим, поболтаем.

– А тетя Вера не будет против? – поинтересовался я.

Николая Степанович неожиданно поник.

– Антош, так умерла Вера Васильевна, уж пять лет назад. Вот я тут один теперь и маюсь.

– Извините...

– Да что ты. Ты-то тут не виноват, старость – она такая. Одинокая. Так что ты заходи, я допоздна не сплю.

– Хорошо, дядь Коль, непременно зайду.

Я ушел от соседа и вошел в родительскую старую квартиру.

Здесь было пусто. Включив свет в комнате, я с радостью обнаружил, что кровать все-таки имелась. Ну, хотя бы спать на полу не придется. На кухне ничего не было, кроме небольшого стола и пустого советского холодильника, того самого, который жил своей жизнью, и работал по собственному желанию. На подоконнике стоял цветной горшеч, из которого торчал давно засохший стебель неизвестного мне растения, от прошлых жильцов ещё остались пепельница и пачка каких-то дорогих импортных сигарет. Я подошел к окну и, достав сигарету из пачки, закурил. Дым, попав в легкие, вызвал жуткий кашель. Я не курил с тех самых пор, как в детстве меня строго наказала мать, поймав с сигаретой. А сейчас было какое-то непонятное желание взяться за вредную привычку. Не хватает только рюмки водки для картины со мной в центре под названием "Полностью потерянный и одинокий". Пить одному – это наверное главный показатель своей ненужности окружающему миру.

Вот теперь я именно такой. Преданный и ненужный.

Я выдохнул очередную порцию дыма. Нет, не помогает. С дымом не уходят дурные мысли.

В животе заурчало. Похоже, пустой желудок требовал пищи.

Как вовремя – подумал я и взглянул на часы.

Половина десятого.

Единственный в селе магазин, может, еще и открыт.

Я быстро накинул куртку и, закрыв дверь своей старой квартиры, отправился за покупками.

Магазин был неподалеку. Срезав путь через детскую площадку, я вышел к маленькому зданию с вывеской "Продукты".

Я очень удивился, увидев припаркованный возле магазина автомобиль. Черный, полностью тонированный спортивный "Ягуар". Вот это находка, в этом убогом селе. Может, кто-то из ребят, повзрослев, разбогател и приехал проведать своих стариков? Номера были московскими, на них красовались три шестерки. Видимо, водитель машины не из суеверных, и уж точно не из бедных.

С минуту я рассматривал спортивный шедевр, после чего наконец-то вошел в магазин.

Вопреки моим ожиданиям, здесь все было по-другому. Вместо старенького магазинчика внутри был маленький супермаркет. Я прошелся по рядам, скромных, не в пример городу, продуктовых полок. В мою корзину легли пачка пельменей, пакет соли и буханка хлеба. Завершением моих покупок стали три бутылки пива. Водку я на дух не переносил, поэтому решил ограничиться пивом для утоления своей грусти.

Уже подходя к кассе, я увидел парня, в котором безошибочно распознал владельца спортивной машины, ожидающей на улице. Незнакомец был одет во все черное, кожаная куртка спортивного покроя смотрелась отлично, гармонируя с цветом его волос. Часы на запястье говорили о немалом достатке, их хозяина. Хотя об этом же можно было догадаться, едва взглянув на его покупки. Две бутылки виски, причем видно, что самого дорогого, который нашелся в этом скромном захолустье. Парень на секунду смерил меня оценивающим взглядом, после чего вновь повернулся к продавщице.

– Послушайте, я не могу вам это продать, при всем желании, – оправдывалась девушка. Я моментально вспомнил о запрете продавать крепкий алкоголь в позднее время. Неужели и мое пиво придется вернуть обратно на полку?

– Принципиальная, значит? – проговорил парень в черном, извлекая из внутреннего кармана куртки бумажник. – И сколько же стоит твоя принципиальность?

– Я не...

Перед кассиршей легла пятитысячная купюра.

Мне показалось, что я отчетливо услышал, как она проглотила собственную гордую фразу "Я не стану", а может, это больше походило на "Я не могу".

Все-таки в России живем, подумалось мне.

Парень тем временем положил сверху вторые пять тысяч. Похоже, сумма перед продавщицей уже превзошла стоимость виски.

Лицо девушки налилось краской, и она украдкой покосилась на меня, будто ожидала, что я сейчас же должен закричать "Люди добрые, гляньте, что делается".

Я молчал.

Наконец продавщица нелепо улыбнулась и сгребла деньги куда-то под стол. Незнакомец широко улыбнулся и, взяв купленные бутылки, повернулся ко мне.

– Вот так всегда, – сказал он, хитро подмигнув, и направился к выходу. Похоже, этот человек всегда получает все, что захочет.

Вот бы мне так беспечно шагать по жизни, широко улыбаясь всем неприятностям.

Я подошел к кассирше оплатить свои покупки. Женщина ничего не возразила против трех бутылок пива. То ли в силу того, что алкоголя в пиве было в разы меньше, чем в проданном ранее виски, то ли потому, что я стал невольным свидетелем ее наживы. Как бы там ни было, я честно отсчитал деньги за содержимое моей корзины, и вышел в ту же дверь, что парой минут раньше хозяин "Ягуара".

Едва я ступил на дорогу, перед магазином, как меня ослепил свет несущейся на меня машины. Раздался визг тормозов, но слишком поздно. Я не успел отскочить в сторону. Красный как помидор автомобиль все же задел меня. Удар отбросил меня на обочину, в сторону от дороги. Пакет вырвался из рук, упал на асфальт, сдабривая пивом, лежащие по соседству пельмени. Боль пронзила ногу. В глазах наступила темнота. Мир угас.

Привел меня в чувство незнакомец, покушавший виски в магазине.

– Эй, парень! – голос был настойчивым, рука шлепала меня по лицу. – Ты как? Нормально?

– Вроде как, – я уселся на обочине, разминая ушибленную ногу.

Незнакомец внимательно осмотрел меня и удовлетворительно кивнул.

– Представляешь, дура-то эта даже не остановилась. Сбила тебя и укатила по своим делам, как ни в чем не бывало, – поведал, пришедший мне на помощь. – Давай помогу.

Он помог мне подняться, нога болела не сильно. Наверно, простой ушиб. Раздражал больше тот факт, что незадачливый водитель скрылся, даже не удосужившись проверить, все ли со мной в порядке.

Мой взгляд упал на пакет на асфальте. Похоже, о пельменях в качестве позднего ужина можно было забыть.

– Попил пивка, – грустно сказал я.

– Да черт с этим пивом, – отозвался незнакомец, протягивая мне одну из бутылок купленного им виски. – Присядем? – он указал в сторону детской площадки, что оказалась сразу за моей спиной, через дорогу от магазина.

Отказываться я не стал, все-таки человек не прошел мимо, когда я оказался в беде. Я был благодарен ему за это.

Мы прошли к столику и лавочкам, имевшимся в каждом российском дворе рядом с детскими площадками. Наверное, для того, чтобы мамочки могли следить за своими детьми, пока те резвятся на снарядах и качелях. А вечером такие лавочки традиционно превращались в приют для любителей ночных алкогольных посиделок. Собственно, этим мы и собирались заняться.

Незнакомец взгромоздился на стол, используя лавочку как подставку для ног.

Я взглянул на этикетку бутылки.

– Шотландский. Сам не ожидал, что здесь такой найдется, более-менее сносный. Ну что, за обезьяну с гранатой? – усмехнулся он, открутив крышку своей бутылки. Я сделал тоже самое, и, чокнувшись бутылками, мы сделали по глотку.

Напиток и впрямь оказался неплохим.

– Твоя машина? – спросил я, вновь заметив "Ягуар" на обочине.

– Да, – улыбнулся незнакомец. – Ну не соседского же комбайнера Васи.

Он извлек из кармана куртки сигареты и закурил, протянув мне пачку. Я отрицательно покачал головой. Курить не хотелось.

– Ты, я смотрю, не из суеверных, с таким номером ездить.

– Этот номер мне как талисман. Только удачу приносит. А суеверия все – это чушь. Плохое всегда случается только с хорошими людьми, – незнакомец выдохнул струйку дыма и продолжил. – Вот сам подумай. Ты человек вроде не плохой, никому зла не сделал, а дура та, именно тебя и сбила.

– Ну, это случайность, могло со всяким произойти, – я сделал глоток виски.

– Хорошо, то есть ты мне хочешь сказать, что вечером сейчас тут шатаешься от хорошей жизни? И впрямь очень счастлив?!

Какой же он все-таки проницательный собеседник.

– Может, и не так все гладко, конечно, – признался я.

– Вот видишь, плохое всегда случается с хорошими людьми.

– Ну хорошо, а что насчет тебя? Ты же тоже здесь со мной?

– Это другое. Скажем так, я здесь по важному делу, – туманно ответил незнакомец. Допытываться я не стал, не хочет говорить, его право.

– Так что же стряслось у тебя, парень? – наконец-то спросил он.

– Антон, – представился я. Манера собеседника обращаться ко мне "парень" немного раздражала. Разница в возрасте между нами не сильно и велика, если по-честному рассудить.

– Марк. Будем знакомы, – представился мой вечерний собутыльник и чокнулся своей бутылкой о горлышко моей.

Мы вновь выпили, и Марк повторил свой вопрос:

– Так что случилось?

– С женой поругались, – соврал я.

Не было никакого желания излить ему душу.

– Все беды от баб, – многозначительно, будто философ, заключил мой новый знакомый. – Ты переживаешь за нее, вкладываешь в нее душу, уделяешь все свое свободное время, вырывая его у проклятой работы, на которой ты держишься, только чтобы она могла тратить чуть больше на свою косметику. Выполняешь все ее капризы, оправдывая данное тебе искрометное звание "Быть мужиком". А потом вдруг – бац. Она находит кого-то богаче, моложе или более искусного любовника, и ты уже летишь на помойку, как ненужный отработанный презерватив.

– Ну не всегда же именно так, – попытался я сделать вид, будто Марк не попал в точку на мой счет.

Проницательности ему не занимать, это точно.

– Ну да, не всегда. Иногда она сведет мужика в могилу намного раньше, чем этот волшебный ослик донесет госпожу до пьедестала комфорта. Дурачок умрет с ее именем на устах, а уже через месяц ее постель согреет новый кандидат на роль ослика-2. Противно, не находишь? – Марк внушительно отпил из бутылки и посмотрел мне в глаза, ожидая ответа.

– Я про тебя кое-что понял – ухмыльнулся я.

– Неужели?

– Ты заядлый пессимист и однозначно не женат.

– Скорее реалист, а насчет жены – это ты в точку, у меня на этот счет, как ты мог заметить, своя философия, – улыбнулся он.

– А как же чувства и любовь? В твою философию это как вписывается?

– Любовь? В наше время все продается, у всего есть цена, – хмыкнул Марк. – И когда говорят восторженное "Я тебя люблю" – имеют ввиду "Мне с тобой удобно" или "Комфортно". Одни продаются за эмоции, другие из-за собственной необходимости чувствовать себя хоть кому-то нужными. Кто-то банально за деньги. Помнишь ту продавщицу? Еще пара купюр сверху – и она была бы готова обслужить меня во всех смыслах, прямо там же в подсобке.

Какими бы грубыми не казались мне слова Марка, все-таки он в чем-то был прав. И от этого становилось противно. Будто вся грязь этого лживого мира, разом прилипла ко мне. И теперь не отмыться.

– Грустно все это, – проговорил я вслух.

– Грустно становится, когда по-настоящему осознаешь свою никчемность, – вновь философски начал Марк. – Только со смертью приходит понимание, что ты лишь пустое место. Жена будет плакать недолго, вскоре сменит траурный платок на свадебную фату и будет кричать о вечной любви, только уже к другому. Не к тебе. Дети вскоре вырастут и забудут. Внуки и вовсе не вспомнят о твоём существовании. Родители будут горевать, но тоже относительно недолго, время проходит. Все приспособляются. А тебя уже нет. Вот это по-настоящему грустно.

– Так и есть, – подтвердил я, уже немного захмелев.

– Ну, чтобы не грустить, есть одно средство. – Марк задорно спрыгнул со стола и, ухватив меня за руку, потянул в сторону машины. – Идем.

– Я надеюсь, ты, напившись, не собираешься за руль? – попытался я вразумить своего нового знакомого.

– Не переживай, – заверил тот абсолютно трезвым голосом.

Нырнув в машину, он извлек оттуда прозрачный пакетик с белым порошком.

– Это что? – недоверчиво покосился я на Марка.

– Лекарство от грусти, – торжествующе сказал он. – Да ты не думай. Это не дурь. Обычное тибетское чудо, перемолотые травы для успокоения. Тьфу... Чуть было не сказал – для упокоения... Это поможет избавиться от дурных мыслей и расслабиться.

Избавиться от дурных мыслей. Как раз то, что мне нужно. Вот правда, выглядит порошок сомнительно.

– Это точно не дурь?

– Я тебя уверяю...

Марк ловко, одной рукой, раскрыл пакетик и принялся насыпать порошок прямо в бутылку с виски. Затем он проделал то же самое и с моей бутылкой, которую я покорно протянул ему.

Марк не походил на наркомана.

Порошок мгновенно растворялся в виски, едва касаясь жидкости. Если бы там все начало бурлить и пениться, я бы явно не стал пробовать тибетское чудо. Но реакция было привычной, будто растворялся сахар в горячем чае.

– Ну, чтоб не грустить.

Мы выпили. Вкус виски совсем не изменился. Но изменилось что-то вокруг. Меня начало странно покачивать, будто на палубе корабля. Я зашатался, онемевшая рука выронила бутылку на асфальт. В стороны брызнуло стекло.

Не понимая, что происходит, я попытался сделать пару шагов назад, но неуклюже упал на спину. Удар я совсем не почувствовал. Я увидел склонившееся надо мной, расплывшееся в широкой улыбке лицо Марка:

– Приятного тебе путешествия, парень.

В одну секунду изображение, что видели мои глаза, рассыпалось на тысячи мелких осколков, мгновенно поменявшихся местами. Неправильно собранная черно-белая мозаика.

Что со мной?

Я зажмурился, встряхнул головой в попытке сбросить наваждение. Но, открыв глаза, я не увидел ничего, вокруг была темнота.

Я сорвался с места и начал падать куда-то вниз в этой крошечной темноте. Она была настолько плотной, что я не видел своих рук. Я их даже не чувствовал, будто падал вниз только мой разум... или душа?

Я все ждал, когда же наступит конец, но падение не прекращалось. Оно длилось бесконечно. Потом пришла боль. Сдавливая виски, сверля разум. Боль все нарастала и нарастала. Когда казалось, что она уже невыносима, и я вот-вот потеряю сознание, я ощущал новый виток боли. И нельзя было спастись в забытие.

Я хотел прекратить эти страдания сильнее, чем хотел жить. Я желал умереть, лишь бы избавиться от этих мук.

Неожиданно сквозь полотно боли прорвалась мысль.

А что, если я уже умер?

Что, если это и есть существование после смерти?

Вечное падение в бездну и это нескончаемая невыносимая боль, что раздирает на куски мой разум.

Неужели это и есть ад?

Я ощутил жуткий страх. Безысходность. Неужели это не прекратиться никогда?

Только не это. Только не так.

Я взмолился истошным криком, но голоса своего не услышал, только мысли. Боже, прошу, молю, прости... ослабь мою боль. Нет... дай мне второй шанс, верни меня обратно... я все исправлю... все сделаю по-другому...

Я пытался вспомнить хоть одну молитву.

" Отче наш, сущий на небесах, да святится имя твое..."

Слова забывались, строчки стирались из памяти, вырываемые болью.

"... Избавь нас от лукавого..."

Боже, как же больно.

– Нет, нет.

Целая вечность.

Сколько я был там? Бег времени никак не ощущался, может, времени и вовсе не существовало.

Но вскоре сознание, истерзанное болью, все же угасло.

Спасительное забытие приняло меня в свои объятия.

Сознание вернулась.

Передо мной открылась мрачная ночная аллея, тяжелые вековечные дубы смыкали высоко над моей головой свои ветви, сквозь них просачивался тусклый лунный свет. Несколько листьев сорвались откуда-то сверху и плавно поплыли вниз. Слишком медленно, слишком лениво.

Где я?

Я сделал несколько несмелых шагов вперед, тишину нарушило карканье ворон, раздавшееся где-то в высоте, порыв холодного ветра ударил в лицо, по спине пробежали мурашки.

Я присмотрелся к тому, что впереди, и разглядел едва заметное свечение, слабую точку света. Я зашагал вперед, с каждым шагом ветер усиливался, а крики птиц там, наверху, становились громче.

Вдруг огромная тень пронеслась над головой, расправив метровые крылья. Ворон, я не успел рассмотреть его, но что-то подсказало мне, что это именно он. Неужели они бывают такими огромными?

Пройдя аллею, я оказался перед дверью, одиноко повисшей в темноте, из замочной скважины бил теперь уже яркий свет. Услышав ставшее громче грозное карканье, я обернулся – огромный ворон летел с неба прямо на меня, выставив вперед лапы с острыми когтями. Убегая, я резко рванул дверь на себя. Через секунду когти ворона вонзились в обшивку, захлопнувшейся перед ним двери.

Я обернулся. Теперь я стоял в маленькой комнате, которую освещал все тот же лунный свет, пробивающийся сквозь зарешеченное окно. По разные стороны комнаты с обшарпанными ветхими стенами, напоминавшей больничную палату, стояли две кровати.

На одной из них сидел некто во всем черном, с капюшоном, покрывающим голову. Я прошел и сел на кровать напротив него, старательно всматриваясь под капюшон, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но темнота была непроглядной.

– Кто ты? Что это за место? – наконец спросил я, не выдержав могильной тишины.

Мои догадки, что крутились сейчас в голове, мне совсем не нравились, но чем больше темная фигура молчала, тем более ясно становилось, что происходит. Неужели все именно так?

– Ты смерть?... – так и не дождавшись ответа, вновь спросил я. Фигура в капюшоне кивнула. К сердцу подкрался страх. – Ты пришла за мной? – в голове стучало, нет, только не это, пульсировало, подчиняя этой единственной мысли все естество. Тень отрицательно помотала капюшоном. – "Нет"...

Я перевел дыхание, значит, все же не сейчас, как же я все-таки испугался, и правда – с какой стати мне умирать, я молод, мне еще жить и жить до глубокой старости, а там уж можно и помереть, пожив вдоволь...

– "Нет" – В сознание, помимо моей воли, врзалась чужая мысль. Из меня вырвался стон, надежда таяла с каждой секундой, и впрямь, если времени у меня много, к чему все это?

– Сколько мне осталось? – теперь я понимал, что фигура в капюшоне может ответить мне, бред, но я должен знать ответ, я повторил еще настойчивее и громче. – Сколько?

– "Три дня", – новая мысль резанула болью в висках, постепенно я начал осознавать, что происходит.

Понимание пришло не сразу, аллея – как тоннель, что видят люди перед смертью, свет в конце пути... черт, свет бил из замочной скважины этой гребаной палаты, а где же вся жизнь, что должна пронестись перед глазами? Этого не было.

Ворон, тот огромный ворон... я слышал, он приходит перед смертью, и листья, листья падали откуда-то сверху, их было немного, по одному за каждый год моей короткой жизни.

А что, если бы я не вошел в эту дверь, если бы понял все это раньше? Хотя какой прок в этом, раз уж время пришло. Смерть ничего не изменит. О чем говорил Марк? Всего лишь пустое место – человек. Все продолжают жить сами по себе, как жили до этого. Три дня, и меня не станет, но когда-то ведь и не было вовсе. Кто будет сожалеть обо мне? Мама, жена или сестра? а долго ли? Рано или поздно все смиряются с утратами, так всегда. Все равно это когда-то должно было произойти. Судьба, видно, такая.

Я посмотрел на тень, что по-прежнему сидела на кровати.

– Три дня, а потом на бесконечные каникулы в рай? – ухмыльнувшись, сказал я, – билет в Диснейленд?

Я ждал ответа, но его не последовало. В очередной раз закралось сомнение, страх снова подобрался ко мне, почему смерть молчит?

– Почему ты молчишь? – шепотом еле слышно промолвил я. Хотя знал ответ, знал, просто боялся признаться сам себе. – Это будет не рай?

Фигура в капюшоне медленно кивнула, и я перестал дышать....

– Ад? – выкрикнул я, вскочив на ставшие уже ватными ноги, сердце заколотилось, выпрыгивая из груди. – За что? Я ничего не сделал! Кто та такой, что бы решать? Кто ты? – я не слышал своего голоса из-за шума в ушах, как будто я нырнул под воду.

Темная фигура встала с больничной койки и старческими скрюченными пальцами медленно откинула капюшон.....

– "Я – это ты! "

Лицо, я знаю это лицо, я видел его раньше в зеркалах.

Это я. Только совсем седой, а вместо глаз зияет пустота... в голове помутилось, это не может быть правдой! тень протянула ко мне руку. Я, сделав шаг назад, провалился куда-то в вниз, в пустоту, и темнота сомкнула занавес перед моими глазами.

И был день первый...

Матфея 28:20

"... и се, Я с вами во все дни до скончания века..."

Холодно... черт, холодно.

Я вдохнул холодный воздух, и медленно открыл слипшиеся глаза, чтобы посмотреть. Бетонный обшарпанный потолок, где-то уже видел такой. Я огляделся: бетонные серые стены вокруг, похоже на какую-то недостроенную многоэтажку. Голова все ещё кружилась, в горле застряла тошнота. «Тибетское чудо», твою мать!

В комнате, где я очнулся, не хватало одной стены, вдали за горизонтом виднелся рассвет. Сколько я пробыл в отключке? Всю ночь? На душе было крайне неловко, перед самим собой. Раньше я думал, что нажираться так, чтобы на утро ничего не помнить это удел канувших на алкогольное дно персонажей. А теперь я один из них. С почином меня!

Поднявшись с ледяного пола, я подошел к краю проема, чтобы посмотреть, что там внизу. Высоко. С неба потихоньку, ещё не смело падал первый снег. Дождались наконец, осень миновала!

По открывшемуся виду я понял, что нахожусь в единственной семиэтажке, которую строили на окраине поселка, когда я был еще ребенком. Видно, так и не достроили.

Вид хороший, с одного края еловый лес, с другой стороны река, между ними парк, за которым сразу же начинаются дома, вон и крыши их мелькают.

Я стоял, замороженный видом, как вдруг кто-то сзади дернул меня за шиворот и я отлетел назад, врезавшись в стену. Тело отозвалось мгновенной болью. Через секунду, не успев я опомниться, чьи-то руки стальной хваткой впились мне в шею, начав душить, прижимая к бетонной стене. Марк.

– Какой же ты жалкий, ты даже сдохнуть нормально не можешь, ничтожество, – с презрением проговорил мне в лицо вчерашний знакомый. Его настроения я не понимал, что могло произойти? Вырваться не получалось.

– Оставь его, – здесь был кто-то еще, голос женский. Хватка рук Марка ослабла, и я смог вдохнуть...

– И ты здесь? Как вовремя. Я как раз тут разговаривал с нашим общим будущим другом, – видно было, что женщину он явно знал и испытывал искреннее отвращение к своей собеседнице.

– Ты знаешь правила, Темный, отойди, – повторила она.

Марк отпустил меня. Я, прижавшись к стене, наконец-то смог отдышаться. Душитель отошел к краю комнаты, где только что схватил меня, и принялся озирать окрестности, кажется, я его больше не волновал.

Я взглянул в сторону, туда, где слышались шаги. Ко мне не спеша шла молодая светловолосая девушка в синих тертых джинсах и оранжевой майке. Она выглядела так ярко, что совсем не вписывалась в серое бетонное окружение многоэтажки.

– Ты в порядке? – спросила она, когда подошла поближе, а я смог разглядеть красивое лицо с голубыми глазами.

– Ты кто? – все, что пришло мне в голову.

– Меня зовут Алиса, – улыбнулась незнакомка. – Тебе бы надо одеться, а то недолго замерзнуть.

– У меня в машине есть кое-какое барахло, – сказал стоявший поодаль Марк.

– Какого черта ты на меня накинулся? – резко спросил я, вопроса Марк явно ждал и выпалил практически сразу.

– Смотри, парень, как бы от лишней информации голова не лопнула.

– Не слушай его, характер у него дрянной, – вновь улыбнувшись, сказала та, которая представилась Алисой. – Давай спустимся вниз, и я расскажу тебе обо всем, что произошло этой ночью... Хорошо?

– Это бы здорово помогло, а то после того, как вчерашний собутыльник пытается придушить, как-то беспокойно становится, – у меня до сих пор болела спина от удара моего вчерашнего приятеля. А голова просто была готова взорваться от постоянных мыслей и вопросов, на которые у меня пока не было ответа.

– Идем, – Алиса взяла меня под руку и потянула к лестнице, пару этажей мы прошли с ней молча... потом я не выдержал.

– Похоже, мы вчера, что-то случилось, а? Марк как с цепи сорвался, мы вчера только познакомились...

– Я знаю, – в который раз улыбнулась она, дальше мы шли молча. Выйдя из недостроенного подъезда, я увидел уже знакомый черный "Ягуар". Марк копался в багажнике. И тут я понял, что он не спускался вместе со мной и Алисой. Как он оказался здесь раньше нас?

– Примерь-ка, дружок, – Марк без лишних слов протянул мне черную куртку «Аляска». Я накинул ее на себя, куртка оказалась впору, стало намного теплее.– Отсюда до места минут десять ехать, – продолжил Марк, захлопнув багажник.

– Дай ему прийти в себя, – ответила ему Алиса.

– Я никуда не собираюсь ехать с вами, пока вы оба мне не объясните, что ночью произошло.

– Пареньку не терпится узнать, что произошло, – рассмеялся вдруг Марк. – Новость номер один, парень, сегодня ночью ты умер!

Секунду я обдумывал сказанное, пытаюсь понять, в себе ли Марк.

– Ты извини, дружок, – нарочно передразнил его я,– но, похоже, это ты до смерти вчера перепил, потому что до сих пор несешь какой-то бред.

– Это правда, Антон, – Алиса взяла меня за руку, и взглянула на меня своими голубыми искрящимися глазами, они как омуты закружили меня в своем течении... Бесконечный водоворот, голубых глаз... Время на миг остановилось, и я увидел в ее глазах это... падение... аллею... смерть. Я вспомнил свой сон, который лишь на краткий миг казался сном, теперь превратившись в реальность. Что должен чувствовать человек, который вдруг осознаёт, что вчерашний кошмар реален? Я был разбит, опустошён, и очень хотел проснуться!

– Тебе это не приснилось, это все было на самом деле – сказала она, когда я уже пришел в себя. Я сорвался, пытаюсь наброситься на Марка.

– Ты отравил меня, псих! – кричал я, Алиса удержала меня, на проверку она оказалось достаточно сильной, чтобы сдержать мой натиск.

– Это не он, Антон, – сказала она, – просто твое время пришло, это был несчастный случай, тебя сбила машина.

– Я ничего не помню об этом, – продолжил я.

– Люди не должны помнить, как уходят из жизни. Тот порошок, что сыпал Марк в бутылку, только помогает легче перенести отделение души от тела.

– Но как? Я же здесь, я жив! – в голове роились сотни мыслей и противоречий. Я ущипнул себя, все ещё не веря в происходящее. Тело тут же отправило предательский сигнал о боли в мозг. Проснуться не удастся!

– Такое иногда случается. Ты умер, но тебя вернули, – голос ее был заботливым и нежным.

– Зачем?– уже окончательно путаясь в собственных мыслях, спросил я.

– Мы не знаем. Никто не знает, просто иногда человек, который умирает, вдруг возвращается, и мы, я и Марк, помогаем ему найти свое место.

– И где мое место?– тупо повторил я..

– Я так думаю, в самой паршивой преисподней, – выпалил Марк. – Откуда нам знать, где твое гребаное место в этом бытие, а? Ты сам должен разрулить весь этот бред, раз не можешь умереть нормально. Куда, зачем, в ад или рай, сам разбирайся, только по-быстрее, я не хочу тратить на это больше времени, чем отмерено. Срок у тебя...

– Три дня, – продолжил я вместо него, словно в бреду. Будто все уже это было, будто я прокручивал один и тот же разговор сотни раз.

– Он вспоминает, – сказала девушка Марку.

– Вот и отлично, поскорее бы это все закончилось.

– Кто вы? – наконец спросил я, хотя мои догадки были уже почти уверенностью, таких совпадений не бывает. Религиозностью я никогда не отличался, но все это. Что за парочка может караулить людей у дверей в загробный мир, вряд ли это Элли с Тотойшкой!

– Мы те, кто существует от начала, – сказала Алиса.– Я – та, кого вы, люди, называете ангелами. Марк – один из тех, кого мы называем Темными, а вам, людям, они знакомы как бесы.

– Вас же не существует, – замотал головой я, выглядело это невероятно глупо. Будто ребёнок не желал верить родителям, что никакого Деда Мороза нет.

Марк собрал с капота машины снега в ладонь и бросил свежеслепленный снежок, попав мне прямо в голову. Удар оказался мощным, в глазах на секунду потемнело.

– А? Могут так те, кого не существует? – в гневе крикнул темный. – Избавь меня от того, чтобы показывать тебе фокусы, парень. Мир не такой, каким ты себе его представлял, закрыли тему.

– Мы посланы сюда, чтобы помочь тебе найти то, ради чего ты вернулся, – ангел взяла меня за руку.

– Кто вас послал? – почему-то сейчас этот вопрос казался мне особенно важным.

– Я не могу ответить на все твои вопросы, Антон, как бы я сильно этого не хотела, нам нельзя, – посочувствовала Алиса.

– Это Бог? – не унимался я.

– Парень, да ты сбрендил? – вмешался Марк. – Он позволил горстке фанатиков казнить собственного сына! А ты думаешь, ему есть дело до тебя? Seriously?

– Марк, оставь свои издевки, – бросила ему Алиса укоряющим тоном, стряхнув снег с моих волос. Вот оказывается как, умереть еще и не так-то просто, я вспомнил разговор в больничной палате с фигурой в черном.

– Когда я умер, там мне дали понять, что я отправлюсь в ад.

– Это необязательно случится, у нас еще три дня, мы найдем способ, как все исправить, – улыбка ангела ободряла и вселяла надежду.

– Что я должен сделать? – согласился я.

– Для начала сесть в долбаную машину, – сказал Марк, открывая водительскую дверь и усаживаясь в "Ягуар". Алиса подалась к пассажирской передней двери, но не успела открыть ее, как вновь раздался голос Темного.

– Даже и не думай, крылатая, – дверь перед Алисой шелкнула, и стало понятно, что уже не откроется. Ангелу пришлось сесть сзади.

Какое-то время мы ехали в тишине, затем тот, кого девушка называла Темным, включил что-то на плазменной панели автомобиля.

Тихо, но мелодично из динамиков послышался звук бас-гитары, печальная мелодия захватила слух. Не хитрая, но очень запоминающаяся тема, запел мужской низкий красивый голос, я слушал:

Как жаль, что первыми в вечность уходят герои
Те, которых любили и не хотели отпускать
Но на дорогах жизни, свои законы,
Как могу я с ними совладать?...

Кто даст мне ответ,
Когда же настанет рассвет
В жизни где нет света,
Смысла нет.

За окном медленно плыл незамысловатый пейзаж, с одной стороны бесконечного поля, которое потихоньку припорошило снегом, где-то там все медленнее и медленнее, норovia останивиться, бежала речка. А с другой стороны лес, где снег повис на елях. Я поймал себя на мысли, что я не знаю этой дороги. Мне казалось, я, будучи ребенком, исследовал все в округе, но сейчас я не узнавал этих мест.

Музыка все так же звучала из динамиков.

Все осталось в прошлом, улыбки и слезы
Осталась лишь память у фотографии алые розы
Кружат обрывки писем, в них все что было,
Их время за столько лет, ничуть не изменило...

Я знаю, что так тяжело вспоминать и о них говорить,
Но помни одно, главное не позабыть.

Небо напомнит, о тех кто не с нами
И мы посмотрим вверх, слезящимися глазами
Но вмиг растают слезы, уйдёт тоска
Когда на небосклоне, тебе подмигнёт звезда.

Я знаю, что так тяжело вспоминать и о них говорить,
Но помни одно, главное не позабыть.¹

Музыка стихла, я взглянул на ангела, она, почувствовав мой взгляд, тоже обернулась.

– Давно вы друг друга знаете? – спросил я, имея в виду ее и Марка.

– От начала, – ответила она, – тогда еще некоторые из них были одними из нас.

– Почему теперь по-другому? – задал я вопрос и тут же поразился своей глупости, но Алиса ответила.

– Еще до сотворения человека один из могущественнейших ангелов, ангел света, именем Люцифер, возгордился и восстал против изначального порядка мироздания. Он жаждал создать в существующем свою собственную часть бытия, которая подчинялась бы его воле. Он выработал новую концепцию, исказив изначальный замысел, и начал извращать и уродовать уже сотворенное Создателем по своему жалкому усмотрению, так как не имел власти давать начало новому. Он совратил умы множества ангелов небесных своей жадой нового мира, где ему предстояло стать правителем. Но все они в итоге были низвергнуты в отведенные для них резервации, и с тех самых пор для них закрыт путь на небеса.

– Хозяин рая вышвырнул надоевшие игрушки, – злобно сказал Марк.

– Он был вынужден, – отозвалась Алиса, – то, что привнес Люцифер в мироздание, ужасно и отвратительно.

– Каждому свое, крылатая, – небрежно бросил бес.

– Бог существует, – случайно вслух проговорил я.

– Так-то оно так, только поверь, твое представление о нем сильно разнится с тем, кто действительно сидит на облачке, – рассмеялся темный.

– Перестань Марк, ты же знаешь правила... – попыталась остановить беса Алиса.

– Правила? – переспросил я.

– Есть целая инструкция, парень, с пометками, о чем нельзя проговориться. И как вернуть заблудшую душу обратно на конвейер жизнь-смерть, – поведал Темный, – умненькие крылатые и наши бесы-старикашки разрабатывали целые тома, чтобы такие, как мы, возвращали таких, как ты, обратно в строй.

– Почему для них это так важно?

– Видишь ли, в системе есть маленький, но регулярный сбой, все безумно боятся, что однажды из-за этого небеса рухнут, преисподняя провалится еще дальше и шарик земной разлетится на мелкие кусочки.

---

¹ Текст песни Артема Рыженкова «Герои»

– Приятнее было бы думать, что кому-то хоть какое-то дело есть до меня...

– А ты у крылатой спроси, она-то по-любому именно за тебя переживает, а не о том, чтобы поскорее дело в архивчик сдать, – разразился хохотом Марк.

– Темный, ты такой мерзкий, – выпалила ангел.

– Я знаю, милая. Для меня это комплимент.

– На небе все напуганы, Антон, никто не знает, почему и как люди возвращаются после смерти, – она взяла меня за руку, – мы обязательно во всем разберемся, я обещаю. Ангелы не врут.

– Что там наверху, ты можешь мне рассказать? – попросил я, но она лишь отрицательно покачала головой, я ожидал этого, но все же немного расстроился. Видно, пока туда не попадешь, никто правды не откроет.

За окном все было совсем белым. Легкий снегопад сделал свое дело. Со стороны леса начался каменный забор, что там за ним? Мы подъехали по свежему снегу ближе, машина остановилась.

– На месте. Ну что, крылатая, идем? – посмотрел на ангела Темный, та просто открыла дверь и вышла из машины.

– Где мы? – спросил я, захлопывая дверь.

– Там, где обычно все заканчивается, – сказал Марк и направился к зияющей в заборе дыре, ангел пошла следом, все в той же майке и джинсах, по-видимому, холод ей никак не вредил, Темный в своей кожаной куртке выглядел одетым по погоде.

– Машину закрывать не собираешься? – крикнул я вслед Темному, не услышав, как пискнула сигнализация.

– Да кто же ее тут тронет? Если ее угонят, я только рад буду, вклад в искушение смертных, многого стоит. Я даже ключи в замке оставляю, надеясь на какого-нибудь воришку, – смеялся в ответ бес, идя по белому снегу.

Я больше не стал ничего спрашивать и двинулся следом.

Пройдя забор, Марк огляделся.

– А все ли тропинки ведут в часовню? – задумчиво произнес он.

– О чем ты? – спросил я, но он только ответил: Идем.

Я понял, что вопросы задавать излишне, когда мы втроем медленно пошли мимо припорошенных снегом могил и оград. Здесь было кладбище. Мои спутники явно знали, куда идти. Мы хитро петляли между оградок, вековых дубов и елей. Пройдя так минут пять, мы остановились. Перед нами была маленькая оградка, а внутри два памятника. Место почему-то казалось теперь мне знакомым.

– Войти ты должен сам, – открывая калитку, кивнула Алиса. Я сделал пару шагов и оказался перед первым памятником – фотография и надпись в снегу... я протер надпись и прочел шепотом.

– Озеров Сергей Валерьевич, – это же мой отец! Я резким движением очистил фотографию от снега... Так и есть, это он. На фотографии еще молодой, в военной форме. Я не был на могиле отца с пяти лет, с момента его похорон. Мать никогда не брала меня с собой, когда ходила сюда, вот почему я не знал дорогу. Она запрещала мне гулять вблизи этих мест, когда я был ребенком, потом этот переезд в город. Так стыдно, мой отец здесь все это время, а я даже ни разу не задумывался над тем, чтобы навестить его могилу. Несколько воспоминаний из детства, какие-то неясные образы – все, что сейчас я о нем мог найти в задворках своей памяти, слезы подкатили к глазам. Так странно быть здесь, так странно быть здесь сейчас, через столько лет. Почему именно сюда они привели меня? Я взглянул на вторую могилу. Кого могли похоронить рядом с отцом, ведь мать еще жива? Я подошел ко второму памятнику. На земле под мелким снегом я разглядел цветок, орхидею. Какой красивый, я освободил его от снега и

увидел, что он будто живой растет из могилки. Но сейчас слишком холодно, да и орхидеи не растут на кладбищах.

– Удивительно, правда? Снег кругом, а цветку хоть бы что, цветет себе... – я вздернул голову туда, откуда возник незнакомый голос. У калитки стоял, опираясь на лопату, старик с седой короткой бородой, в теплом пальто. Ни Алисы, ни Марка вокруг не было.

– Я на него каждый день люблюсь, – продолжил он.

– Я думал, он искусственный, – пробормотал я. – Здравствуйте, меня Антон зовут, Озеров.

– Сын, стало быть? – вопросительно кивнул старик в сторону могилы отца, – меня Захаром звать, Федотовичем, если угодно, вот тут у нас на кладбище прибираю, порядок навожу.

– Работа такая?

– Бог с тобой, какая работа? Я на пенсии уж лет двенадцать как. Если бы мне платили, так какая мне заслуга тут трудиться, – улыбнулся бородатый старик.

– А кто еще здесь похоронен, знаете? – спросил я.

– Почему же не знаю, сестра отца твоего, три года как здесь вот, – ответил он. Я протер фотографию на памятнике, да, это она... Надпись ниже: Озерова Анна Валерьевна. – Замечательный человек она была, жалко...

Я и сам ее помнил, из сестер отца самая младшая, душа компании, добрый и чистый человечек. Я и не знал, что она умерла, слышал от родственников, что болела сильно... но чтобы вот так ее могилу найти – не ожидал. Хотя вот еще ночью тут могла быть и моя третья, кто бы ожидал такого.

– А вы Аню знали? – спросил я.

– Валерьевну? Как же не знать, она часто ко мне заживала. Сидели, вечера напролет разговоры разговаривали, – объяснил Захар Федотович. – Я, сынок, может быть, лучше всех ее и знал. Ты не замерз часом, а то давай чайку со мной попей, я тебе про твою тетку столько расскажу, что ты представить не мог.

За последние сутки произошло столько, что я действительно представить не мог и в страшном сне.

– Спасибо, конечно, только вот со мной друзья были, – сказал я, пытаюсь взглядом вокруг найти ангела и беса.

– Так это не беда, все тропинки в часовню ведут...

– Как вы сказали? – переспросил я, услышав знакомую фразу.

– Все тропинки с кладбища приведут в часовню, не заблудиться здесь, уж поверь старику, – улыбнулся он, зашагав прочь.

Марк знает про часовню, может они с ангелом там?

– Хорошо – согласился я и пошел следом.

И действительно, шли мы совсем недолго и вскоре набрали на старую часовню. Она стояла на окраине кладбища. Стены были немного обшарпанными, на вершине – маленький золоченый купол. Скромно, но аккуратно. Старик, перекрестившись, вошел внутрь, обив снег у порога. Я последовал за ним, но креститься не стал. Перед входом из стены торчали несколько гвоздиков, я вслед за стариком повесил куртку на один из них и вошел. Один большой зал, деревянные полы, на стенах иконы. Зажженные свечи давали мягкий свет. Распятие на стене прямо напротив входа приковало мой взгляд, на какое-то время я застыл перед ним в своих мыслях, заговорил Федотович, который стоял рядом.

– Это сделали люди, а представь, если бы увидеть, как он сам вот так вот висел, что бы ты тогда чувствовал.

– Он и впрямь сын Божий? – задумчиво проговорил я.

– Он один знает наверняка, мы можем только верить, – произнес старик, – идем за стол.

Теперь я увидел в одном углу маленький столик, на котором стоял электрический самовар и ваза с какими-то баранками и конфетами, я подошел и сел на стул возле стола, Федотович взял из противоположной стороны комнаты еще один стул и, сев, начал наливать в чашки чай из маленького золотистого чайничка.

– Чай-то у меня знатный. Жалко, самовара нет нормального, да к тому и дрова надобны, вот пока такой принесли прихожанки местные, ну и на том спасибо, – сказал старик и, добавив кипятка, протянул мне чашку.

Чтобы не обжечься, я отпил совсем немного, но даже этого малого хватило, чтобы понять вкус. Чай был великолепный, вкус не удавалось уловить, в секунду менялось множество приятных ощущений. Я никогда не пробовал такого чая даже в хороших ресторанах города.

– Так я и не пойму, живете вы тут, или трудитесь, или просто иногда посещаете? – поинтересовался я у своего нового собеседника.

– Живу, – отпив чайку, поведал Федотович. – Раньше просто ходил иногда, дорожки чистил да могилки прибирал, молодым-то некогда все, – улыбнулся он, мне от этого на душе стало как-то тоскливо, ведь он и про меня говорил. – Жил в селе, а как лет восемь назад мою старушку-жену схоронил, сюда вот и перебрался, вроде как поближе к ней да к дочери, она у меня тут еще раньше лежит.

Расспрашивать его о дочери я не стал, тяжело это слушать, да и не хорошо у едва знакомого человека в душе копать.

– Дом продал – продолжил он – на вырученное вот ремонт часовни и сделали, мужики из села помогли, кто чем мог. Всем миром сладили, теперь уже навсегда сюда перебрался. Зато при деле. Я отпил еще чая, за окном началась прямо метель, снег разбушевался.

– А что ж, батюшки нет здесь никакого, часовня ж вроде?

– Давно уж никого, раньше был один, Афанасий, – вспоминал житель часовни. – Да тот потом в город уехал, кому здесь охота в одиночестве сидеть.

– Чай у вас и правда превосходный, – похвалил я старика.

– Вот и тетке твоей, Анне, тоже очень нравился, – сказал Федотович. – Любили мы чай пить с ней, душевно так сидели каждый раз, – задумчиво произнес он, – бывало, придет ко мне, – немного промолчав, продолжил он, – и говорит – дед Захар, как у тебя получается так на Бога не обижаться и в часовне жить, после того как он ни жену, ни дочь твою не уберег. Вот это вопрос, Антош, искренний, настоящий. Любила она вопросом всю душу вывернуть, а я потом объясняю, мы разговариваем, вместе правду ищем, – в глазах старика теплились воспоминания. – Потом уже она сама меня поучала, – улыбнулся он, – наставления давала перед тем, как покинуть.

– Что за наставления? – спросил я.

– Да о разном. Ей многое открылось тогда, чего другим понять жизни не хватает. Из нее энергия ключом всегда била, не могла она этой жизнью насытиться, не могла... всего достигла, и даже получилось лучше чем у других... только чувствовала, что все это не то, и искала иного.

– Чего же? – как замороженный спросил я

– Ответа, – сказал старик, глядя в глаза, – на вопрос, зачем мы живем.

– Она нашла его?

– Я уверен, что да. Ты ведь не ожидал увидеть там ее могилу? – спросил вдруг старик.

– Да. Я знал, что она болела, но думал, что все обошлось тогда, – попытался оправдаться я.

– Ну, тогда послушай, я рассказываю ее историю всем, дабы никто не забыл, но чтобы многие задумались о том, чему свидетелями мы стали. Удивительной она была. Всегда хотела все успеть, младшая в семье – была первой в жизни. Она долго искала себя... нашла в семье, в работе... достигла высот. Вот только душа ее этими победами не была довольна, в душе по-

прежнему было достаточно пустоты. И она нашла, чем заполнить эту пустоту, она заполнила ее верой в то, что Бог существует и он нуждается в ней так же сильно, как она в нем.

– Распятый Бог, – не понимая зачем, пробормотал я.

– Да, тот самый, – подхватил старик. – Она стала жить так, как он завещал нам, но суета дней и быт отдалили ее от этих идеалов. И она вернулась к привычному укладу жизни всех людей. Сложно это, по – Божьему жить. В одночасье принять себя нового.

– Нового?

– Ну, например, если раньше можно было без зазрения совести человеку другому нахамить или как-то его обидеть, то после того, как в Бога уверовал, так не получится, будешь маяться, чувствовать себя виноватым. Границы добра и зла становятся очень четкими, и тебя поначалу тяготит ответственность за нехорошие поступки, которые ты совершаешь по привычке. Поэтому многие и возвращаются к тому, что знакомо, к привычному укладу жизни, без Бога.

Я молча кивнул, дав Федотовичу понять, что он может продолжить рассказ.

– Но Бог ждал ее. Прошло время, и она вновь вернулась к Богу, но и во второй раз это было недолгое время. Повсюду таится то, что сбивает нас всех с пути. Она была беременна, пришло время и она в третий раз связала свою жизнь с Богом, и на ее долю выпали тяжелые испытания, – в его глазах виднелись слезы. – Именно тогда она заболела, врачи сказали, лечить необходимо сразу, но ребенок скорее всего от лечения не выживет, а если ждать до родов, то скорее всего не выживет она сама. Трудный выбор лег на ее плечи. Она знала, как поступить правильно, она не могла рисковать ребенком, поэтому рискнула собой. Ребенок родился здоровым, Самуил, радость Анечки... Но болезнь обострилась и уже не поддавалась лечению. Мы все молились о том, чтобы Бог помог ей, исцелил. Она никогда прежде не была к нему так близка при жизни, как в то время. Болезнь сопровождалась ужасной болью, через какое-то время она даже не могла встать с кровати. Но она не обозлилась на Бога, она покорно сказала, пусть сбудется его воля. Она умирала в агонии, но понимая, куда отправится после смерти. Знаешь, как это важно – знать, куда отправишься после смерти? – я промолчал. – Она выдержала все испытания и заслужила мир и покой, Бог дал ей попроситься со всеми родными. За несколько часов до того, как уйти, она собрала всех близких и каждому дала наставление. Я был у нее много раньше и выслушал все, что она хотела мне сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.